

Югош Р.Н.

К ВОПРОСУ О ПРУССКО-КРЫМСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ 1761-1762 ГГ.

XVIII век стал веком первых глобальных войн за передел сфер влияния. Среди них выделяется Семилетняя война 1756-1763 гг. - крупнейшее коалиционное столкновение этого периода. Англо-французские противоречия стали его истоками. С течением времени к двум самым непримиримым соперникам на континенте примкнули другие европейские державы, образовав крупные враждебные альянсы. Начало этому процессу положил Уайтхоллский договор от 27 января 1756 года. В противовес ему, 1 мая было официально оформлено военно-политическое сотрудничество Бурбонов и Габсбургов. Союзниками Франции, Испании и Австрии стали также Россия, Швеция и Саксония. Уайтхоллский блок Великобритании (в унии с Ганновером) и Пруссии поддержала Португалия. Пламя войны, разгоревшееся в августе 1756 года, затронуло все ведущие и целый ряд малых государств, шедших в их фарватере. Помимо Европы, боевые действия велись на американском и азиатском континентах.

Огромный интерес представляет дипломатическая сторона этого конфликта. В годы Семилетней войны рождались идеи самых невероятных союзов. Военная необходимость заставляла соперников лихорадочно укреплять старые и искать новые связи. Впрочем, возникавшие "вынужденные" альянсы расплывались по швам, стоило ситуации измениться. При этом со всей остротой обнаруживалась их случайность и разница в интересах сторон. И, как все временные явления, они быстро были забыты. Примером тому могут служить переговоры о союзе между Прусским королевством и Крымским ханством. Им и будет посвящена предлагаемая здесь статья. В ней мы попытаемся ответить на следующие вопросы: что заставило две стороны искать партнерства, какие цели ставили они перед собой и почему идея прусско-крымского союза не нашла своего воплощения? Для этого нам нужно будет обратиться к некоторым аспектам восточного направления в европейской дипломатии 50-х годов XVIII столетия.

Прусско-крымские переговоры стали составной частью восточной политики Фридриха II. Ее главной целью было вовлечь в войну Османскую империю, единственную крупную державу, оставшуюся в стороне от этого великого столкновения монархий. Если накануне войны Берлин пытался склонить Турцию к подписанию союзного договора, то теперь он всеми силами старается спровоцировать разрыв Порты с Россией и Австрией. Фридрих пробует сыграть на традиционном противостоянии Османской империи и австро-русской системы. Уверенность ему придает и общеизвестная в Европе неприязнь султана Мустафы III к венскому и петербургскому дворам.

Осенью 1758 года в Стамбуле, на одном из заседаний Дивана, обсуждалась возможность альянса с Берлином и объявления войны России. Мустафа склонялся к началу боевых действий, дабы помешать русскому наступлению в Восточной Пруссии. Но на совете возобладало мнение великого визиря Коджи Рагыба, известного противника вмешательства Турции в европейские дела. Под влиянием возглавляемой визирем партии, Диван принял решение отложить вопрос о союзе с королем до замирения сторон, чтобы убедиться, в каком состоянии окажется прусское государство.¹ Сам Рагыб был не прочь заставить Фридриха продолжать войну как можно дольше, "дабы христианские державы между собой истощались". По мнению визиря, это позволило бы Турции увеличить свой политический вес. Вот почему Порта не ответила отказом на предложения прусского монарха. Она принялась старательно затягивать переговоры, питая его надежды пустыми обещаниями.

Громкое поражение прусских войск под Кунерсдорфом (12.08.1759) весомо понизило кредит Фридриха II в Стамбуле. Его же самого оно заставило удвоить дипломатическую активность. В османской помощи Фридрих видит ключ к своему спасению. Однако, к его горькому разочарованию, Порта не выказала желания связать руки его противникам войной на юге. Все уговоры прусских эмиссаров и их союзников англичан оказались тщетными. Впрочем, небольшим утешением могло служить то, что в своих антирусских действиях они внезапно приобрели добровольного помощника. Им стал новый крымский хан.

В июле 1758 года, в ходе крупного волнения ногаев, ханский трон захватил буджакский сераскер Керим. Порте не оставалось ничего иного, как признать его новым правителем Крыма. С приходом к власти Керим-Гирея открылся этап внешней активности ханства. Едва успев укрепиться на престоле, честолюбивый хан попытался упрочить и свое внешнеполитическое положение. Он использует занятость России в Семилетней войне, чтобы распространить крымское влияние на Северном Кавказе.

Кавказские земли издавна были сферой столкновения русско-крымских интересов. На право политического доминирования в регионе претендовали и Бахчисарай, и Санкт-Петербург. Последнему, опиравшемуся на военную силу, это удавалось гораздо лучше. Основным объектом противоречий стала Кабарда, признанная нейтральной по условиям Белградского мира 1739 г. Период с осени 1758 по 1760-й год явился пиком активности в северокавказской политике Крыма. Ханские посланцы направляются в Кабарду и Абазу, вооруженные отряды кубанского сераскера действуют в низовьях Лабы и в Черкесии. Чтобы нейтрализовать неизбежное сопротивление царского двора, Керим-Гирей сам переходит в дипломатическое наступление. Он стремится заручиться поддержкой Османской империи и взывает к Порте о помощи против русских.

Политика Керим-Гирея не могла не встревожить Петербург. Еще больше опасений вызвали попытки

хана подтолкнуть Турцию к военной акции. В складывающейся обстановке угроза казалась нешуточной. Русскому кабинету известно, что в Стамбуле при посредничестве британской дипломатии активизировался процесс переговоров о прусско-турецком альянсе. Союзники не пренебрегали никакими средствами, чтобы втянуть Османскую империю в конфликт. Само собой, они не замедлили обратиться в свою пользу и действия хана. Английский банкир Баркер, являвшийся также банкиром короля Фридриха, выделил немалые суммы на подкуп Керим-Гирея и его окружения.ⁱⁱ А Фридрих II усилил дипломатический нажим в османской столице. В личном письме Мустафе III от 30 марта 1760 года он уговаривал султана двинуть силы против России, соблазняя его присоединением Новой Сербии и части южнорусских земель. Не остался без внимания король и Крым. В Бахчисарае обосновался прусский резидент Боскамп. На него была возложена задача неустанно подогревать русофобские настроения при ханском дворе.

Петербургский кабинет поспешил с ответными шагами. От его имени резидент Алексей Обресков заявил турецкому министерству, что кавказская политика Керим-Гирея есть не что иное, как прямое нарушение Белградского договора, а все действия хана преследуют одну цель – поссорить два высочайших двора. Внушения российского дипломата принесли плоды. По распоряжению визиря ханский представитель в Стамбуле был принужден сообщать все получаемые из Бахчисарая письма. В декабре 1760 года Керим-Гирею было отправлено предписание не вмешиваться в кабардинские дела, а в случае каких-либо неурядиц обращаться непосредственно к Высокой Порте.ⁱⁱⁱ Эти меры подчеркивали твердость позиции Коджи Рагыба, который избегал вмешательства в европейскую смуту. По этой причине великий визирь считал нужным урезонить крымского хана, чьи действия создавали для империи лишние дипломатические трудности. В марте 1761 года завершились проводимые под руководством визиря переговоры с Пруссией. Вопреки стремлению Фридриха II заключить если не наступательный, то по меньшей мере оборонительный союз, турецкая сторона ограничилась подписанием трактата дружбы и коммерции. Он был оформлен по образцу заключенного ранее договора с Данией.^{iv} Подобный документ не давал королю никаких гарантий военной помощи.

Тем временем Керим-Гирей, не встретивший сочувствия в столице Османов, несколько изменил тактику. Он отказался от попыток спровоцировать вооруженное столкновение с Россией на Северном Кавказе и стал искать новые поводы к несогласиям, более доступные и надежные. С подачи хана обостряется пограничный спор о Новой Сербии. Хан засыпает Стамбул жалобами на действия русских, которые, по его словам, возводят крепости на территориях, не оговоренных мирными трактатами. И еще одна черта проявилась во внешней политике Керим-Гирея после 1760 года: он попытался наладить связи с европейскими дворами, минуя Высокую Порту.

Независимый нрав крымского хана наложил характерный отпечаток на всю его деятельность. Безнаказанный захват трона посеял в нем уверенность в собственной силе и значимости. Довольно легко подавив слабых противников, он возомнил себя самовластным государем и даже заявил претензии на личную роль в делах европейских. Стремление к самостоятельной внешней политике стало отличием периода правления хана Керим-Гирея.

Итак, разочаровавшись в поддержке Порты, хан задумал напрямую обратиться к враждебным России государям. Само собой разумеется, что взор его обратился к Берлину. Здесь стоит заметить, что Керим-Гирей с глубоким уважением относился к личности Фридриха Великого. Образ короля-полководца служил ему примером для подражания. Еще в 1750 году, будучи только буджакским сераскером, Керим направил в Берлин посла с выражением почтения великому монарху. Теперь, став ханом, он задумывает предложить своему кумиру военный союз.

К осени 1761 года Фридрих II оказался в крайне затруднительном положении. Война принимала неудачный оборот. Русские войска заняли Швейдниц и осадили Кольберг, ключ к прусской Померании. Переговоры в Стамбуле угрожающе затягивались, и король уже почти простился с мыслью, что турки согласятся сыграть для него роль живого щита. Но в этот момент из далекого Бахчисарая неожиданно пришло предложение помощи. В октябре в лагерь прусской армии при Штрелене прибыло крымское посольство, которое возглавлял ханский фаворит Мустафа-ага. Он предложил Фридриху союз с ханом и шестнадцатитысячный татарский корпус в обмен на денежное вознаграждение. Посольство было благосклонно принято и с дарами отпущено обратно. Вместе с ним направился в Крым личный адъютант короля лейтенант Александр фон-дер-Гольц. На него была возложена миссия обсудить с Керим-Гиреем соглашение о совместных военных действиях.^v

Посольство из Крыма пробудило у Фридриха новые надежды. По его замыслу, Гольцу следовало добиваться вторжения хана в российские пределы. Тем самым он надеялся оттянуть часть русской армии на юг, возможно, даже из Курляндии и Померании. А предложенный вспомогательный корпус король намеревался отправить в Венгрию, дабы связать руки подготовленным к весенней кампании австрийским войскам. Но главные виды прусского монарха простирались гораздо дальше. Посредством Крымского ханства он надеялся наконец-таки вовлечь в войну Османскую империю. Начало ханом боевых действий означало бы разрыв Турции с Россией и не позволило бы ей далее оставаться нейтральной.

Предварительные переговоры Гольца в Бахчисарае увенчались согласием хана весной сосредоточить в

Бессарабии готовые к походу войска. После их сбора Керим-Гирей намеревался предъявить Порте жалобу на русских и, не дожидаясь ее ответа, перейти границу. Казалось, на этот раз ничто не должно было помешать планам Фридриха. Но вскоре само время внесло в них значительные коррективы.

В январе 1762 года прусский король получил радостное известие о перемене власти в Петербурге. Русский престол занял еще один его ревностный поклонник - герцог Карл Петр Ульрих Голштейн-Готторпский, в православии Петр Федорович. Новый государь не блистал особыми талантами, зато имел оригинальный взгляд на ближайшие задачи российской внешней политики. Он не раздумывая порвал с союзниками и обратился в сторону недавних врагов. Уже 19 января канцлер М.И. Воронцов предъявил представителям Франции, Австрии, Швеции и Саксонии декларацию от имени императора. Из нее явствовало, что Россия не намерена продолжать войну далее. Корпус Чернышева, действовавший совместно с австрийцами, был отозван. Генерал Волконский получил приказ начать переговоры о перемирии. Боевые действия между русскими и прусскими войсками прекратились. В конце февраля в Петербург прибыл посол Фридриха II генерал Генрих Леопольд фон-дер-Гольц с полномочиями на заключение мирного договора. Приятным сюрпризом для короля оказалось направленное ему Петром III предложение самостоятельно выработать условия мира. Фридрих не замедлил им воспользоваться. 24 апреля 1762 года был подписан трактат между Россией и Пруссией. Он провозгласил полное примирение дворов. При этом русские войска освобождали занятые ими прусские земли. Успех генерала Гольца напрямую отразился на задачах его молодого родственника. Теперь перед миссией в Крыму была поставлена другая задача.

В марте Александр Гольц перебрался из Бахчисарая в Яссы. Инициатором его отъезда стал Керим-Гирей, опасавшийся возбуждать внимание русских шпионов долгим пребыванием при его особе прусского офицера. Здесь лейтенант стал дожидаться сбора ханского войска. В Молдавии его и застал курьер, который привез письмо короля и новые инструкции. Теперь прусскому эмиссару следовало добиваться вторжения хана со всеми его силами в Венгрию. Сам Гольц, приняв обещанный вспомогательный корпус, должен был вести его в Силезию через польские земли "со всеми предосторожностями и избегая всяких неприязненных действий против русских". К письму прилагалось извещение о согласии Петра III на нейтралитет в случае войны Турции с Австрией.^{vi} Однако полученные бумаги лишь осложнили задание лейтенанта. Узнав об изменившихся намерениях короля, Керим-Гирей стал менее сговорчив, чем прежде. А ход прусско-крымских переговоров значительно замедлился. Впрочем, теперь Фридрих не столь остро нуждался в содействии крымского хана. Сепаратный мир с основным противником вывел его из критической ситуации, которая заставляла хвататься за любую возможность. К тому же его союзником в восточной политике становился сам российский император.

Резкая перемена курса русским кабинетом сказалась и на его отношении к Турции. Резидент Обресков в депеше от 19 февраля доносил о положении дел в османской столице. Еще не зная о новых настроениях в иностранной коллегии, дипломат по привычке награждал нелестными отзывами как прусского короля, так и его министра в Стамбуле фон-Рексина. Последний, по словам Обрескова, тщетно усердствовал прибавить артикул союза к прусско-турецкому трактату дружбы и коммерции. При этом он как мог превозносил силу и могущество своего государя. Когда же скрывать падение Кольберга стало невозможно, Рексин переменил тон. Он стал взывать к помощи Порты, без которой его король будет "стеснен множеством врагов". Турецкое министерство снова не прореагировало, и посол принялся упрашивать турок сделать хоть какое-либо движение, заставившее бы Россию и Австрию выставить войска на южных границах.^{vii} Но издевательское письмо резидента произвело при дворе обратный эффект. По наущению генерала Гольца, превратившегося в главного внешнеполитического советника царя, Петр III распорядился отправить Обрескову приказ поднять турок против Австрии и заявить, что все обязательства России перед ней разорваны. Узнав об этом, даже канцлер Воронцов, молчаливый исполнитель воли императора, не выдержал. Боязнь дипломатического скандала, "предосудительной огласки без малейшей пользы", заставила его воспротивиться. Стараниями канцлера текст указа был смягчен: в случае, если сама Порта обратится с запросом к резиденту, тому следовало объявить, что Россия в ее войне с Австрией участия не примет. 8 июня 1762 года Воронцов и Генрих Гольц поставили свои подписи под текстом договора, который скрепил военно-политическое сотрудничество двух стран. Иностранная политика России теперь полностью идет под диктовку Берлина. Даже ее южное направление строится в соответствии с прусскими интересами. Кабинет Петра III благожелательно наблюдает за ходом прусско-крымских переговоров, не замечая в них потенциальной угрозы для себя.

К маю в Бессарабии под Аккерманом были собраны многочисленные татарские отряды. В конце месяца Керим-Гирей повел свое войско к границам Новой Сербии. По дороге к нему присоединился лейтенант Гольц. Хан объявил ему, что направится с 50-тысячным войском в Венгрию и отрядит восьмитысячный корпус в Силезию, если ему будут предоставлены письменные обязательства. Вскоре Гольц вручил Кериму разработанный в прусской столице проект договора. Помимо статей, оговаривавших плату за военную помощь, он включал заверение в нейтралитете России в предстоящей войне с Австрией. Сверх того, Петр обязывался уничтожить возведенные на татарской границе укрепления. Прибывший королевский курьер сообщил, что отправленный в Стамбул с извещением о воцарении императора Петра III князь Дашков

лично прибудет в ханский лагерь. Он уверит Керим-Гирея в нейтралитете и даст гарантии статьям, касающимся русской стороны.^{viii} Хан явно остался недоволен документом. С момента начала переговоров его поведение сильно изменилось. Изначальной целью Керим-Гирея было вторжение в пределы России, погрязшей в Семилетней войне. Ее южные области остались практически без защиты, и представляли из себя легкую добычу. Успех похода был гарантирован. Он позволил бы хану еще более укрепить свое положение и стяжать лавры удачливого полководца. Этими соображениями он и руководствовался, когда предлагал услуги Фридриху. Но король заключил союз с его недругом и ставил хану свои условия. Вместо пограничного набега хану предлагалось принять участие в войне. Перспектива похода в далекую Венгрию, где ему придется сражаться с подразделениями регулярной армии, Керим-Гирея не радовала. Вот почему, к удивлению прусских посланцев, он вдруг охладел к военному предприятию. Призвав к себе Гольца и резидента Боскампа, Керим-Гирей объявил, что его не устраивает содержание договора. И неожиданно, сославшись на необходимость получить разрешение у Высокого Порога, он отказался вести дальнейшие переговоры до возвращения своего посла из Стамбула. Таким образом, вопрос о союзе был отложен на неопределенный срок.

Июль 1762 года стал самым тревожным месяцем для прусского короля. Переворот 28 июня в Петербурге лишил престола его слепого обожателя Петра. Европейские политики дружно предрекали возвращение новой императрицы Екатерины Алексеевны к старому елизаветинскому курсу. Эти рассуждения ввергали прусского монарха в панику. Но вскоре сама Екатерина развеяла его страхи. Она подтвердила договор от 24 апреля и объявила, что не станет нарушать заключенный мир. Она решительно отвергла домогательства австрийского и французского послов, призывавших ее вернуть армию на поля сражений. Оправившись после первого шока, Фридрих II начал искать пути сближения с новым двором.

Изначально внешняя политика Екатерины II являла из себя попытку “усидеть на двух стульях одновременно”. Она искренне стремилась сохранить добрые отношения как с Пруссией, так и с ее врагами Австрией и Францией. Особенно она дорожила союзом с Габсбургами и его стержнем - венской антитурецкой системой. Переговоры в Крыму подчеркивали эту необходимость. В отличие от предшественника, императрица видит в них угрозу в первую очередь для своей страны. Гарантом стабильности на южных рубежах могло быть лишь дальнейшее сотрудничество с австрийской монархией. Уже на следующий день после переворота был отправлен рескрипт Обрескову с приказом оставить без внимания недавние распоряжения об антиавстрийских внушениях Порте.^{ix} Двор постоянно напоминает дипломату о необходимости придерживаться традиционного “доверительного обхождения” с венским министром. Послу в Петербурге графу Мерси сообщаются получаемые иностранной коллегией сведения о переговорах Фридриха с Портой. Австрийский дипломат был подробно проинформирован и о собираемых ханом войсках для вторжения в Трансильванию и Венгрию. Впрочем, Мерси заметил, что движения крымских татар вызывают больше опасений у самого русского двора, судя по участившимся заседаниям министерства и лихорадочной отсылке курьеров в Стамбул. Поэтому он не придавал большого внимания русским уверениям о растущей для Австрии опасности. Посол усмотрел в них лишь способ склонить Марию-Терезию к продлению антитурецкого соглашения, а также попытку хоть как-то прикрыть неблагоприятное союзническое поведение.^x

29 июля ханское войско прибыло под Каушаны. Здесь Керим-Гирей остановился и устроил главную квартиру. Прусские офицеры - Гольц и присланный к Кериму в качестве проводника майор Самоги - надеются звоном монет пробудить в хане интерес к венгерскому походу. Одновременно они пытаются отвлечь его внимание от русских пределов, где уже появился наблюдающий за татарами казачий отряд. Но возвращение из Стамбула крымского посланца Абдуллы-эфенди убило их последнюю надежду. Выслушав доклад Абдуллы, Керим-Гирей окончательно отказался от военного предприятия.^{xi} Позиция Турции оставалась непреклонной, и хан не рискнул вторгаться в австрийские владения без санкции Высокого Порога. Фридриху II оставалось лишь отозвать послов. Прусские офицеры покинули ханскую ставку и двинулись в обратный путь. Собранные же Керим-Гиреем войска уже к осени были распущены.

Итак, прусско-крымские переговоры потерпели провал. Его причиной стала непреодолимая преграда между интересами двух сторон. Пытаясь извлечь свои мелкие выгоды из большой европейской политики, крымский хан обратился к прусскому королю. Но его партнер по переговорам преследовал куда более масштабные цели. Пытаясь втянуть Крым в военную авантюру, Фридрих II решал насущные задачи своей восточной политики. При этом собственные интересы хана его не интересовали. К счастью для себя, Керим-Гирей вовремя понял, что король всего-навсего отводит ему роль пешки в своей игре. Он использовал как предлог к прекращению переговоров занятую Портой позицию, и неравноправный альянс не состоялся. Но теперь это мало огорчало прусского короля. Недавний враг, против которого он, собственно, и планировал использовать татар, становился другом. Растущая остуда петербургского кабинета с Парижем и Веней толкала его в объятия Пруссии. Уже в конце 1762 года Рексин смог уверенно заявить в Стамбуле, что его государь “находится с ее величеством русской императрицей в столь же добром и тесном согласии, как и с покойным царем Петром III”.^{xii} В Европе рождалась новая союзная система.

-
- ⁱ Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. – М.,1991. – С.195.
- ⁱⁱ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. – М., 1966. – С.57.
- ⁱⁱⁱ Кабардино – русские отношения в XVI – XVIII вв. – М.,1957. – Т.2. – С.207.
- ^{iv} Мейер М.С. Указ. соч. – С.196.
- ^v Мундт Т. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь, 1909. – №43. – С.37.
- ^{vi} Там же. – С.46.
- ^{vii} Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М.,1875. – Т.25. – С.65.
- ^{viii} Мундт Т. Указ.соч. – С.46.
- ^{ix} Сб. Русского исторического общества. – Т. 48. – С.3.
- ^x Сб. Русского исторического общества. – Т.46. – С.60.
- ^{xi} Мундт Т. Указ.соч. – С.48.
- ^{xii} Сб. Русского исторического общества. – Т.48. – С.139.